

Известия. — 1995. — 31 марта.

С. 10.

СТОРОЖ СОБСТВЕННОЙ УЛЫБКИ, или Идеология «от Труссарди»

Лидия ПОЛЬСКАЯ, «Известия»

Сначала появился симпатичный скромный мальчик — создатель документального фильма «Дети XX съезда», он привел тогда еще слабо обкатанных телевидением шестидесятников и был благосклонно замечен. Потом создал в рамках престижного в перестройку Авторского телевидения информационную программу со странным названием «Намедни» (как теперь ясно, удачным и прилипшим), в которой стал откровенно дерзить повременному начальству партии, правительства и телевидения. Слава крепкого профессионала настигла Парфенова в тот год, когда он выходил в эфир с программой «Портрет на фоне». Там он дал себе волю как комментатору и жизнеописателю. Портреты политиков получались неожиданными и нетривиальными. Наверное, многие из них успели захотеть, чтобы их нарисовал Парфенов. Когда к телевизионному ведущему выстраивается негласная очередь, это — ступень и признание. И Парфенов начал это осознавать: на экране появлялся крепко уверенный в себе человек.

Однако новое поколение вместе с «Пепси» выбрало много разного, только страсти к политике в том пакете нет. Почуввав новые веяния или не найдя в себе желания лезть на баррикады (а это надо уметь делать время от времени в нашей стране), Парфенов снова сделал вираж — вернулся в информационную ведущую программы «Намедни» в новой престижной телекомпании НТВ.

Он изящен и легок, и создает впечатление удачливого человека, которому работа подчиняется без напряжения, с легу почти всегда. (Почти! Случаются, и чем дальше, тем больше, вялые выпуски «Намедни» или неудачи, вроде спе-

циального, о фестивале Владимира Спивакова в Кольмаре, или банально-туристского с венецианского карнавала). Просвещенный дилетантизм, наверное, пункт если не обязательный, то желательный для ведущего, чья специальность — информационные программы. Легкость передвижения от темы к теме, скользкие мостки между сюжетами, обаяние, с помощью которого — гораздо больше, чем с помощью слов — можно запечатлеть себя в памяти зрителей. В дилемме «быть или казаться» ведущему на телевидении важнее последнее... Парфенов это понял.

Скорее всего, принимая современный мир как полноценный, Парфенов не хочет, как многие ведущие, страдать и кликушествовать по поводу затухания культуры и прочего духовного. Он знает, где ему найти это самое духовное. Формы, в которых проявляет себя культура, для него шире, чем для особо страдающих и все ждущих начала какого-то возрождения — как забега с низкого старта под выстрел судьи.

С появлением «Намедни-2» можно говорить о рождении жанра авторско-информационной программы. Нужды нет, что хроника культурной жизни «от Парфенова» (говорят о нем, почему-то хочется заимствовать лексику из мира модельеров и визажистов) подчас смекает реальную картину, представляя Москву едва ли не мировой столицей чрезвычайно остроумных хеппингов и всяких действ, происходящих за пределами академической культуры. В «Намедни» скорее встретишь сюжет о вернисаже авангардиста и необязательно — репортаж о театральной премьере. Культурная жизнь Москвы предстает в виде весьма соблазнительном, хотя —

Смолodu Леонид Парфенов твердым шагом пошел в политическую телевизионную публицистику — в конце восьмидесятых, разрешите напомнить. Это очень важно, потому что теперь само воспоминание о том времени сразу отпечатывается картинкой тотального и бесконечного митинга, что было полезно для общества. Но кончилось. И это тоже замечательно.

сами москвичи могут догадаться — несколько искаженном. Парфенов дает хронику тусовок, не всем доступных даже при желании и наличии денег. Он входит в этот мир, он любит этот мир —

отделенный, особый, глядя на который можно или позавидовать посвященным в него, или удавиться от раздражения. По многим выпускам «Намедни» можно подумать, что тусовка представляет

ПОРТРЕТНОЕ СХОДСТВО

собой некий центр притяжения для автора программы. Если в событии есть «тусовочный элемент», хотя бы минимальный, корреспонденты «Намедни» непременно обозначат и будут педалировать его.

Появиться в «Намедни» — престижно. Парфенов стал тем самым распределителем, от которого многие годы зависел вся и на свой лад: кому деньги, кому путевки, кому колбасы из-под прилавка. Он стоит у врат распределения информации по культурной жизни.

Благодаря ему мы узнаем много интересного и неинтересного из жизни московской молодой богемы (действующие лица старшего возраста у него где-то на втором-третьем плане). Рядом с детьми недолговечного, но вполне сложившегося «советского дворянства» — младшими Бондарчуком, Табаковым, Михалковым и четой Пресняковых-юниоров — всеми, кому не надо было делать имя с нуля, а также в среде уже нестрашного, престижного и агрессивного в своих проявлениях экс-андеграунда, Парфенов выглядит уже вполне своим, то есть человеком столичного светского круга. Это одна из тех ролей, о которых может мечтать человек телевидения, но получается она далеко не у всех. Можно считать, что жизнь сложилась удачно, если человек благодаря своему таланту и уму становится модным за пределами своего профессионального круга. Быть может, и поэтому — и не всегда вполне сознательно — Парфенов любит давать сюжеты из жизни этих счастливых, баловней судьбы. На программе Парфенова — и на нем самом — лежит отсвет этой излюбленной тусовки. Стоило только увидеть его перед входом на «Нику» — счастливейшего, в бабочке, как бы прокричавшего населению: «Я здесь! Я с ними!», «А для вас через полминуты — интервью Ростроповича». Казалось, он пританцовывал на снегу не от холода, а от желания побыстрее скрыться в заветном Доме кинематографистов. Таков не очень долгий и удачный путь из Череповца, где произрастал Леонид Парфенов, в центр Москвы.

Парфенов, видимо, страшно любит себя на экране и заботится о своем внешнем виде «от Труссарди» не меньше, чем о содержании программы. Скорее всего, он считает себя самого полноценной эстетической составляющей каждого выпуска «Намедни». Отсюда недалеко до нарциссизма, который можно назвать профзаболеванием телеведущих, и превращения знака «от Труссарди» в идеологию автора. Драгоценное понятие имиджа стоило Парфенову, например, естественности в улыбке: ибо придумал он ее, лучезарную и несмыкающуюся, в пору дефицита улыбочных лиц на телеэкране. Да так и остался ее сторожем. В улыбке уже больше пластмассового вещества, но она часть имиджа, и на ней фирменный

знак: «Сделано Парфеновым». Запатентовано. Он вообще не прочь выделить, приподнять себя. То у него — трибунка-пюпитр, «как ни у кого другого», а где трибуна — там и ощущение пьедестала. То он, при наличии у канала НТВ фирменной «упаковки», весьма при этом недурной, делает свою, очень элегантную и с собственным изображением, подчеркивающую персональность программы — она моя! и только моя! — а заодно и значимость ее ведущего. Так самолюбование, пусть и неосознанно, обретает открытую форму, порой заставляющую зрителей снисходительно улыбнуться.

Сочиненный Парфеновым жанр, так же, как и его несколько фальшивящая (по отношению к строгой реальности) начинка, уже застолбили за собой прочное место. Убери «Намедни» — субботний эфир покажется куда скучнее и однообразнее. Нужды нет, что поначалу от «Намедни» ждали другого, Парфенов сумел убедить, что внутри его программы есть собственная логика — и зрители подчинились. Парфенов у нас обаятельный... Да ведь действительно явление культуры без оценки — ничто. А то, что мы лишены — на НТВ или любом канале — обстоятельной информационной передачи о культуре, не вина Парфенова.

Правда, в последнее время «Намедни» все больше и больше похожа на механизм, который крутится по инерции. Только в силах самого Леонида Парфенова остановить его или сделать вращение осмысленным. Практически равны рейтинги «Намедни» и «Кукол». Поначалу казалось, что программа Парфенова «тащит» на себе новую передачу. Но вскоре может быть, что Парфенов станет смотреть лишь в ожидании «Кукол».

НТВ подбирает ведущих по штучному принципу. И Парфенов явно — штука. Или заодно — штука. Мне интересно, при каких обстоятельствах может наступить момент, когда он скажет самому себе: «А вот этого на телевидении я сделать не смогу». Лихость и легкость, с которыми он от информации переходил в политический анализ, а оттуда — напрямую на тусовку, параллельно став сценаристом удачного (что невероятно для нас!) новогоднего шоу НТВ, говорит прежде всего о смелости или, быть может, о дальнем расчете (почему-то мне кажется, что Парфенов не лишен этого качества) и только в последнюю очередь о сторожевом инстинкте: выскочишь из своей ниши — тут же займут. Он легко покидает ее, как только где-то замаячит соблазн попробовать себя в новом деле. Но, может быть, что уже видно по последним выпускам «Намедни», ему просто уже стало скучно делать трудоемкую и не всегда благодарную информационную программу.

Фото Сергея ИВАНОВА.